

Клубные встречи Верный - 1996. - 13 авг. - с. 7.

“Не сыпь мне соль на рану”, “Дорогие мои старики”, “Бабушки-старушки” и масса иных, любимых народом песен сочинены на стихи нашего сегодняшнего гостя.

А с недавних пор Симон и сам запел.

Симон ОСИАШВИЛИ:

Кураж — это самое счастливое состояние моей жизни

не прошу тебя называть фамилии, имена, цифры.

— Ни для кого не секрет, что телевидение стало коммерческим. И люди, которые занимаются выпуском музыкальных программ, считают, может быть, правильно считают, что если артист показывает песню, то есть осуществляет рекламную акцию, то за рекламу надо платить.

— Это касается и звезд?

— Поскольку это не носит узаконенного характера, то каждый раз происходит индивидуально. Не то чтобы на стене висит прейскурант.

— Возвращаюсь к заповедным временам. Тогда поэты-песенники из легально обеспеченных людей были, пожалуй, первыми. На собраниях в Союзе писателей отказ о приеме в Союз какого-нибудь “очередного Резника” по преимуществу мотивировался так: он, пигмей, получает за песню чуть ли не столько, сколько я за собрание сочинений! Материальный аспект сыграл роль в моем выборе?

— Я изначально всегда был ориентирован на написание шлягера, то есть песни, которая становилась бы массовой, популярной, а это автоматически вело к тому, что приходили авторские гонорары за нее. Что ж тут плохого?

— А я не морализирую.

— Я как бы всегда имел это в виду, что хорошо бы написать песню, которая стала бы всенародно любимой, а это, кроме приятностей по этому поводу, еще принесет и материальное удовлетворение, тоже хорошо.

— Оставим низменную материю. Расскажи, как ты, украинский грузин, покорил Москву.

— Работал во Львове инженером-программистом, и не то что ничего не писал, но и читал-то мало. Мне было уже почти двадцать четыре года, когда на глаза попались стихи, которые тогда были никому неизвестны, а через пару лет благодаря написанной на них Сергеем Никитиным музыке стали знаменитыми. Я сейчас напою, и ты сразу вспомнишь: “Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди, под музыку Вивальди и вьюгу за окном печалиться давайте...” (поет).

— Ну еще бы!

— Магическое перетекание звука в слове, внутренняя музыка... Это меня потрясло:

Но только ты молчала, молчала, молчала

И головой качала,

Любви печальной в такт.

А после говорила:

Поставьте все сначала,

Мы все начнем сначала

Любимый мой, итак...

Дело в том, что в моей жизни в то время был такой этап возвращения к предыдущей любви. И вот эти стихи действовали на меня заволаговещивающим образом. Я заметил, что все время их бормочу, бормочу, бормочу...

— Кто, кстати, автор, я не знаю?

— Некто Александр Величанский, я больше

Осиашвили, я несколько с этим не спору. Пиши лучше. Зачем говорить Добрынину, что Осиашвили такой-сякой? Бывало трудно, но я очень люблю писать песни, и я их писал; несмотря на все эти разговоры старших товарищей по цеху, композиторы со мной работали.

— Композитор Добрынин запел. Запел поэт Осиашвили. У вас, эстрадников, такая многостаночность обычное дело?

— Опять случай. Я всегда, если писал тексты не на готовую музыку, то сочинял их под гитару. Мол, потом они станут песней, а пока я делаю свою рабочую мелодию. Так было довольно долго, пока я не написал песню “Любовники” и не отдал стихи Добрынину. Он сочинил музыку, сам песню записал, снял клип, это одна из его “ударных” вещей. Но я был расстроен тем, что у него получилась песня хорошая, шлягерная, но ушел тот посыл, который я в нее вкладывал. У него она как бы принизилась, перешла на бытовой уровень — адюльтерный. У меня там такой припев: “Мы любовники с тобой, и виновны мы, как не больно о том говорить. Но ведь горькое слово “любовники” от медового слова “любить”. Для меня это было главное, а не супружеская измена.

— И ты вышел со своим “гитарным” вариантом не где-нибудь — в “России”!

— Опять случай. Меня уговорил мой приятель Саша Кальянов. Он, кроме того, что известный исполнитель, еще и звукорежиссер. Говорит: “Что ты переживаешь? Вот у тебя будет творческий вечер, возьми и спой!” — “Как же? Это же мой вечер поэта-песенника. Там замечательные артисты будут петь мои песни, а я-то тут при чем?” — “Это твой вечер как творческой личности!” Записал фонограмму. И я вышел в концертном зале “Россия”. Причем сначала Добрынин спел свой вариант, а после него я. Видимо, благодаря общей атмосфере концерта, знаешь, меня хорошо приняли. И случилось то же, что и когда я впервые услышал песню на свои стихи. Две с половиной тысячи человек слушают то, что я написал, и я же пою! Это оказалось как наркотик. При том, что я понимаю: никакой я не певец.

— Можно «о личном»? Телевидение одно время крутило ролик вашей семейной идиллии с певицей Светланой Лазаревой...

— Увы, клип — это клип, а наша семейная жизнь не сложилась, уже более двух лет как мы расстались. У Светланы своя семья, у меня своя. Кажется, она хорошо себя чувствует. Я себя чувствую совершенно точно хорошо.

— Симон, к сроку оставаться романтиком не надоедает? Нет ощущения недостаточности, оскорбленности, что ли, лирического жанра?

— Ты знаешь, я себе отдаю отчет, что пора бы уже годам клонить к суровой прозе. Наши ровесники уже такие солидные дяди! А я, как писал Олег Чухонцев: ему уже к пятидесяти, а он все мальчик в курточку одет. Я помню, как я был достаточно молод, действительно молод, мой первый творческий вечер, я вышел к зрителям, они уже слышали мое имя, но как я выгляжу, совсем еще никто не знал, и все были очень удивлены, что я еще совсем молодой человек, потому что ожидали увидеть убеленного сединами старца, ибо песни мои были как бы мудры.

— То есть органика песни и повседневной жизни это одно и то же?

— В обыденной жизни я не совсем романтичный человек. Я живу по законам этого жанра, шоу-бизнеса — и с большой и с маленькой буквы.

— Есть какой-то момент преодоления или это естественное раздвоение личности?

— Я часто констатировал в себе двух разных людей, очень часто. Все бы ничего, если бы это были одни и те же два разных человека. Но это каждый раз другие люди. Я не кокетничаю. С этим связана, в частности, такая интеллигентская боязнь совершения серьезных поступков. Хотя я в своей жизни совершал их несколько штук. Боялся сделать последний шаг: не сделал пять или шесть. И никогда об этом не жалел.

— Скажи, а когда тебе было лучше жить: тогда, когда мы стреляли друг у друга до стипендии, или сейчас? Я имею в виду не “материальную” фиговию, а в целом — жизнь.

— Тогда был очень сильный мотор.

— Кураж?

— Ну да! Ощущение сверхзадачи, приближение к ней. Ведь было очень тяжело. Когда я, начинающий автор, не москвич, метался по квартирам. Нужно было быть готовым съезжать в любой момент. Никто меня не знал. Но я был молод, и это не создавало никаких проблем. Тогда я написал, может быть, лучшие песни, которые теперь не получают, не знаю уж почему. Гамзатов, что ли, сказал замечательную фразу: молодость — это когда есть зубы, но нет мяса, а зрелость — это когда есть мясо, но нет зубов. Кураж — это когда все хочется и все получается. Кураж — это самое счастливое состояние моей жизни.

Встречался Обиктор ГАЛАНТЕР.

Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

— Симон, мы с тобой подружились в те заповедные литинститутские времена, когда ты готовился “в серьезные поэты” и не помышлял, кажется, ни о какой попсе. Как человек с образованием и вкусом...

— Это ты обо мне, да?

— Ну не о себе же. Сама стихия попова тебя не корбит?

— Понимаешь, хотя последние годы я пишу практически только стихи, которые — подразумеваются — станут песнями, прозвучат в синтезе с музыкой, но текст должен быть таков, чтобы его не стыдно было дать почитать глазами. Увы, в последние годы эта поповская стихия, как ты ее назвал, выплеснула очень много пены. То, что сейчас поется, будучи записанным на бумаге, производит очень часто удручающее впечатление. Я даже с некоторой ностальгией вспоминаю времена худсоветов, когда там следили хотя бы за грамотностью. Я вообще заметил: то, что поется в последние годы, как-то уже и не особенно волнует, как бывало...

— Я достаточно далек от предмета, но все же впечатление: не слышно и песенников, которые были на слуху еще лет пять-семь назад.

— И не появились новые, верно?

— Как нормальный рядовой слушатель не припоминаю. Вот разве что субъективно, да и те не то чтобы новые: Кормильцев, который пишет для “Наутилуса”, Шаганов — для “Любэ”.

— Почему запоминались имена поэтов? Потому что были шлягеры, тотальные шлягеры. То это были “Миллион алых роз”, то те же “Не сыпь мне соль на рану”... Вот уже несколько лет таких песен нет, есть более или менее популярные. Может быть, жанр нивелировался, не знаю. Жаль. Когда раньше в финальных конкурсах “Песня года” исполнялись пятнадцать — двадцать песен, все они были на слуху. Были один-два три стопроцентно всенародных шлягера, остальные — на слуху. Сейчас на этих фестивалях исполняется по сорок песен, некоторые вообще впервые звучат.

— Может быть, дело в том, насколько я насыщенный со своей обывательской колокольности, что платить надо?

— Насколько я представляю себе ситуацию, да.

— Ну ты не очень-то конкретен. Я ведь